

СОЦИАЛЬНОЕ ВОООБРАЖАЕМОЕ И НАУЧНОЕ ПОНИМАНИЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ САКРАЛЬНОГО

Аннотация. Сегодня необходима научная постановка проблемы воображаемого как идеологии. Расширенное представление школы Пивоварова Д. В. о религиях как консолидирующих идеологиях формирует потребность в современном научном атеизме в рамках новой синтетической парадигмы. К. Маркс покончил с классическим атеизмом и предложил воображаемое рассматривать в связи с социальными условиями его производства как компонент мифологической дискурсии социальной группы. Оказалось, что марксисты обладают собственным воображаемым.

Ключевые слова: сакральное, научный атеизм, воображаемое, идеология, дискурсия, семиотическая модель, марксизм.

Дискурсивное воображаемое, описывающее сакральное, является социально-конструируемой реальностью, создающей категории реального и ценностного. Такое дискурсивное воображаемое можно назвать идеологией. Идеология охватывает оба типа семиотических систем (реальных и знаковых), ибо приписывает структуру реальному в то время, как оно является продуктом реальных структур. Так, материальные структуры производства оказываются одновременно ценностными структурами власти – значимыми позициями индивидов. И наоборот, ценностные системы (как материальные, так и знаковые) включают различные мотивации, связанные с материальным производством, и принимаются субъектами как их детерминанты в зависимости от социальной власти ценностей. Сами ценностные системы производятся в процессе потребления, ибо потребление ныне – это та сфера, где товары производятся как знаки и знаковые ценности, а знаки систематически производятся как товары. Знаки функционируют идеологически, то есть как дискриминант, действующий через исключение и жестко привязывающий означающее к означаемому. Таким образом, идеология является особым состоянием дискурса власти, или семиотических систем в их отношении к классовой борьбе. Специфика этого состояния заключается в сосуществовании идеологического и сопротивленческо-подрывного способов использования дискурсов. Окончательная деконструкция идеологии и идеологических эффектов (фетишизма) лишь теоретически видится на путях демонтажа знака, соответствующего ему механизма семиологической редукции действительности и перехода к обнаружению символического основания человеческой цивилизации и интерпретации. Современный фетишизм как сложная система очеловечивания действительности зиждется на знаке, а знак формирует новейшие утопии.

Чем является воображаемое на самом деле? Старый атеизм отвечал на этот вопрос просто, но сегодня необходима научная постановка проблемы воображаемого. Научный атеизм в XXI в. может быть агрессивнее классического атеизма. У В. В. Маяковского в поэме «150 000 000» мир религий наглядно описан так:

«Простонародью очки втирая,
адам пугая,
прельщая раем,
и лысые, как колено,
и мохнатые, как звери,
с евангелиями вер,
с заговорами суеверий,
рясами вздыбив пыль,
армией двинулись черно-белые попы.
Под градом декретов
от красной лавины
рассыпались
попы,
муллы,
раввины» [2, с. 158].

В советской песне «Авиамарш» тотальное освоение мира и штурм неба коммунарами описываются так, что Бога в этом мире и в тексте нет и не может быть. Мир научного атеизма предполагает острый взгляд, который пронзает каждый атом. Шукшинский чудик – герой рассказа «Микроскоп» обнаружил множество микробов в капле пота и вообразил, что ученые специально не сообщают об этом, чтобы не расстраивать «нас». Естественно-научное устремление создает особый мир человеческой поисковой активности – Егору даже выпивать не хотелось в эмоциональном напряженном поле. Только поиск – с работы и к телескопу – «Луну смотреть!».

Классическое понимание атеизма, а потому и религии как связи человека с Богом, оставляет за пределами понимания изменяющийся в различных цивилизациях характер Абсолюта. Но сакральность – главный признак всякой религии и соответствующей ей политической культуры как поклонения Абсолюту. Проблема модернизации России в условиях конкуренции мировых культур может быть теоретически поставлена, если

опираться на расширенное понимание В. С. Соловьевым религии как связи человека с абсолютным. Это позволит на практике интегрировать научную веру и религиозную веру, конфессии и политическую культуру нашей Родины в качестве ценностей нового осевого времени всего человечества. Зафиксированное Д. В. Пивоваровым деление связи с Абсолютом на связь с космосом, с социальностью, эгоцентрические религии индивидуального поклонения позволяет интегрировать религии и конфессии в более широкой исторической рамке русской цивилизации [3, гл. 2].

Очевидно, что традиционные общества нуждаются в теориях научного коммунизма или бахаизма, маоизма и даосизма, чучхе и евразийства – список можно продолжить. Все перечисленные идеологии уникальны, ибо не являются классическими религиями и консолидируют традиционное общество именно как идеологии. В западной цивилизации идеологии сформировались поздно, по сути в XIX в., и развивались на базе крушения космоцентрических религиозных конструкций, то есть при модернизации общества.

Поскольку цикл развития классического атеизма становится завершенным при расширении представления о религиях как консолидирующих идеологиях, возникает необходимость в современном научном атеизме. Выражение «научный атеизм» парадоксально. Утверждение небытия Бога как принцип атеизма не выходит за рамки метафизически-теологического рассуждения: смещается лишь предмет, но не меняется логика его исследования. Не вдаваясь в историю термина, подчеркнем, что еще в XVII в. Бог оставался для европейских философов творцом вселенной и эта философия была теистичной. До того как стать философской доктриной, термин атеизм использовался как обвинительный ярлык.

Философы-атеисты Просвещения приписывали религии обскурантизм, враждебность разуму и развитию науки. Разумеется, священники не были неграмотны сами, они лишь монополизировали знание в целях политического господства и сохранения невежества масс. За это массы и мстили церкви в периоды своих праздников – революций. Поэтому для просветительной философии и соответствующей ей публицистической литературы демократизация знания представлялась развитием критического духа и свободомыслия, позволяющего людям освободить себя от иллюзий.

Атеизм XVIII в. был философской критикой религии, стимулированной социальной критикой религии со стороны усиливающейся буржуазии. Стихийный материализм ученых, возникший задолго до атеизма и питавшийся успехами технических наук, оказался значительно радикальнее атеизма просветителей. Марксистский материализм уже в момент своего рождения превосходил теизм и атеизм как учения, основанные на противоположных принципах, но функционирующие аналогичным образом. Материализм не исходит из предпосылки о божественном творце, но вместе с тем и не основан на идее отрицания творца.

Всякий атеизм нуждается в идее Бога, пусть и в негативной форме. Более того, атеизм невозможен без идеи Бога, тогда как для марксизма вопрос о Боге не ставится. Подобно естественным наукам (абсурдно говорить, что геология или физика атеистичны, хотя встречаются верующие геологи и физики), не обращаясь к идее Бога, марксизм в его фундаментальных разработках не нуждается в упоминании этой идеи и не нуждается в том, чтобы в виде научного атеизма быть последним бастионом идеи Бога. Перефразируя В. И. Ленина, скажем, что марксизм не «заигрывает с боженькой», даже отрицая Бога, иначе говоря, не «упоминая его всуе» – ни Бога, ни черта. Научная методология иная: изучить социальные условия производства человека, его знаний, верований и иллюзий в конкретных обществах и на этой основе осуществить операцию выведения сознания из общественных отношений в отличие от младогегельянской и герменевтической интерпретации образования сознания. Сутью интерпретации является редукция как импутация – сведение к истокам.

Уже в 1844 г. К. Маркс покончил с атеизмом: «Атеизм как отрицание этой несущестственности, не имеет больше никакого смысла, потому что атеизм является отрицанием бога и утверждает бытие человека именно посредством этого отрицания; но социализм, как социализм, уже не нуждается в таком опосредовании: он начинается с теоретически и практически чувственного сознания человека и природы как сущности. Социализм есть положительное, уже не опосредствуемое отрицанием религии самосознание человека, подобно тому как действительная жизнь есть положительная действительность человека, уже не опосредствуемая отрицанием частной собственности, коммунизмом» [1, с. 127].

Таким образом, К. Маркс предлагает иную философскую операцию исследования воображаемого (в противовес атеистическому его отбрасыванию как заблуждения): все религиозные, метафизические, этические формы мысли людей, весь набор воображаемого, символического содержания идеологий должны быть выведены и поняты из анализа конкретных людей, их истории. Правда, через 150 лет среди последователей К. Маркса возник спор, что следует понимать под реальными индивидами: человеческие качества, нечто слишком человеческое в духе «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» или же социальные структуры производительных сил и производственных отношений в духе «Немецкой идеологии» и «Капитала». Спор этот, начатый в 1970-е гг. Л. Альтюссером и Д. Льюисом, возрождается ныне в разнообразных формах.

Атеизм просветителей стремился устранить, низвести воображаемое (особенно религиозное) с небес идей на землю во имя идеала чистой науки, разума и прозрачной социальной связи. Но вопрос заключается в том, может ли человеческий дух функционировать лишь в рациональном плане или же он неизбежно и непрерывно производит свое воображаемое содержание (религиозные верования, мифы, политические

утопии и т.д.). Воображаемое содержание жизни и теории существовало во всех обществах, и при изменении одной формы оно возрождалось в новой. Последовательно материалистический подход к воображаемому понимает его в качестве реального менталитета эпохи, социально-этнической группы конкретного общества – воображаемое в таком виде заражает научные концепции и социальные теории. Воображаемое не может быть понято исключительно как эффект дезинформации и обмана – оно составляет необходимый компонент мифологической дискурсии каждой социальной группы. Марксисты также обладают собственным воображаемым – это воображаемое светлое и устремленное в будущее, из хаоса предыстории в космос подлинной истории человечества. Их воображаемым является упование на свет науки и искоренение утопий, иллюзия соответствия теории и практики, аксиома доброй природы человека и благой основы мысли – любознательности, прозрачности социальной связи при преодолении рынка и денег.

Именно поэтому марксизм научен: он рассматривает воображаемое и социальные условия его производства, верования, артистические вкусы как часть реальности, как объект исследования. Научному характеру марксизма чуждо отношение к религии, утопии, морали как к иллюзии, ибо все перечисленное – реально. Вместе с тем, марксизм носит отчасти атеистический характер, поскольку в своей зрелой форме предпринимает самокритику и анализ воображаемого идеологов, ученых, политиков и прочих носителей предполагаемого чистого классового сознания и научного знания. Действительная проблема заключается в понимании статуса воображаемого в марксизме. Позитивистская установка на устранение всякого воображаемого как ложного, иллюзорного, мистифицирующего противостоит анализу отношения между воображаемым суждением и материалистическим анализом воображения.

Марксова теория товарного фетишизма и теория идеологических форм сознания вскрывает механизмы отчуждения – проходя через сознание, они осуществляют переворачивание образа по модели «камеры-обскуры». Этой теории противостоит постструктуралистская семиотическая модель идеологии, отвергающая процесс переворачивания. Еще Л. Альтюсер, а за ним и Ж. Бодрийяр утверждали, что перевернутый образ на сетчатке глаза не становится иным, неидеологическим, и следовательно, физиологическая метафора переворачивания обманчива, амбивалентна. Однако эти споры находятся внутри марксистской традиции исследований идеологического процесса. Выдвижение на первый план атеизма оставляет философов в плену религиозных верований, теологических построений при внешнем отрицании утопий и мифов и надежде на рациональность.

Поздний марксизм предлагает иное движение – изучение исторических условий производства воображаемого отношения к реальным условиям бытия. Научное мировоззрение принципиально: оно по содержанию подобно объективной истине и не зависит ни от человека, ни от человечества. С воображаемым содержанием сознания, с Богом заигрывают те, кому это выгодно. И это относится не к служителям культа, но в первую очередь к государственным служащим и политикам.

Библиографический список:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. 513 с.
2. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Т. 2. М. : ГИХЛ. 1956. 538 с.
3. Пивоваров Д. В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. Екатеринбург : УрФУ. 2013. 248 с.

Оглоблина И. А.

ДАР КАК ЭТИКА СУЩЕСТВОВАНИЯ НА ГРАНИ СВЕТСКОГО И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО

Аннотация. В статье намечается перспектива концептуализации этики дара на границе между моральным и религиозным аспектами синтетической картины мира. Дихотомия светского/конфессионального осмысливается за рамками классической метафизики. В силу этого дар становится различным в качестве онтологического основания этики, а ее светскую и конфессиональную компоненты оказывается возможным рассматривать на линии демаркации, проведенной между теоретическими построениями и духовной практикой.

Ключевые слова: этика дара, дихотомия светского и конфессионального, синтетическая картина мира, онтология presens, грамматология difference, Благо, добродетель («арете»), Великое Делание.

Будущее мира зависит от того, будет ли выработана практическая этика, которая позволит человечеству глобально сосуществовать (жить вместе, но по-разному) в общепланетарном масштабе. В данной связи для каждой страны становится насущной проблема формулирования идеи национальной этики как некоей всеобщей универсалии, конкретизированной различием отечественных форм своего выражения. Очевидно, что и нам необходимо найти новую форму этики, а с ней и принципиально иной способ существования, отвечающий присущему России универсализму как своеобразному гаранту преодоления эволюционного кризиса цивилизации. По мере продвижения в данном направлении предстоит сформировать синтетическую